

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШКОЛЫ
ПРЕДСТАВЛЯЮТ СВОИХ АВТОРОВ

СТЕЛЛА ПРИУДОН ♦ АННА БОБРОВСКАЯ

МОЙ САМЫЙ ВТОРОЙ: ШАНС ИЗМЕНИТЬ ВСЁ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

LITBAND

готовим авторов

Коллектив авторов
Мой самый второй:
шанс изменить всё.
Сборник рассказов LitBand

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39465838

Мой самый второй: шанс изменить все: Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-099023-8

Аннотация

В жизни не всегда бывает второй шанс, но порой судьба решает сделать исключение из правил. И то, что не получилось однажды, вдруг, спустя годы, получается. Складывается волшебная мозаика удачи и счастливого случая. Даже когда уже почти не веришь и не надеешься.

Сборник выпускников литературной школы LitBand – это яркая россыпь коротких рассказов, которые можно прочитать за одну остановку метро и пережить насыщенный сюжет целого романа. Новые имена, свежие истории и легкий стиль – вот главные черты этой книги!

Содержание

Елена Фарба. Желания	6
Короткая повесть	6
Пролог	7
Глава 1. Смутные воспоминания	8
Глава 2. Восьмой дом	13
Глава 3. Полет	19
Глава 4. Любовь	24
Глава 5. Школа	28
Глава 6. Музыкальная школа	36
Глава 7. Неведомые луга	41
Глава 8. Виола от Валио	44
Глава 9. Девичество	46
Глава 10. Путь без конца	48
Анна Буданова. Барабанщица	51
Марина Ковалюк. Танец с огнем	61
Стелла Прюдон. Идеальная чистота	72
Татьяна Золочевская. Обгони песок	75
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Мой самый второй: шанс изменить все

- © Фарба Е., 2018
- © Буданова А., 2018
- © Ковалюк М., 2018
- © Прюдон С., 2018
- © Золочевская Т., 2018
- © Бобровская А., 2018
- © Помазан Е., 2018
- © Рубина Н., 2018
- © Хотимская О., 2018
- © Заватрова В., 2018
- © Аносова М., 2018
- © Ковылкин А., 2018
- © Штырник И., 2018
- © Шахворостова М., 2018
- © Ренн Ю., 2018
- © Завтоньева С., 2018
- © Лопинова О., 2018
- © Гугель А., 2018
- © Сахарова Е., 2018
- © Шипилова А., 2018
- © Копытина М., 2018
- © Кожевников А., 2018

© Гмызина А., 2018

© Буданова О., 2018

© Норина Я., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Елена Фарба. Желания

Короткая повесть

Вся моя жизнь – это просто истории.

Те истории, которые я себе о ней рассказываю.

Они про то прошлое, которое было и которого никогда не было.

Это прошлое было только во мне и только для меня.

Они – это та я, какая я сейчас, прямо сию секунду.

Завтра я буду другой, и они станут другими.

Они меняются в зависимости от моего настроения, от отношений к тем или иным людям, даже от времени года.

Иногда эти истории полны юмора.

Иногда – наоборот.

Вот так живешь-живешь, а получается сборник рассказов «Про жизнь».

Пролог

– Свой путь – это когда ты делаешь то, что хочешь делать. И не делаешь того, что делать не хочешь, – написал Леське друг.

– Как же, прямо вот так, на том, что ты хочешь, строить свою жизнь?!..

– Не понял вопроса, а на чем же тогда строить, на планах партии и правительства?

– Но с чего же начинать, не понимаю. Как понять, чего я хочу.

– Начинать с того, что делать не хочешь. И не делать этого. Опора просто железобетонная.

Глава 1. Смутные воспоминания

Леська наверняка могла сказать, что появилась осенью. Причем глубокой и безлистой. Наверное, поэтому она ее так волновала. А может, и не поэтому.

Мама с папой появления Леськи не ожидали. Просто две недели в микрорайоне на окраине Таллина, где жили Леськины родители, не было света... Поэтому спустя время там народилось множество Свет и Лен. И еще Леська.

Таллин Леська помнила. Хотя, когда родители с братом и Леськой переехали в Калининград, ей и года не было. Психология не в состоянии объяснить этот феномен. Леська точно помнила Таллин. Помнила сыроватый пасмурный воздух, аллею с осенними деревьями, особый пряный запах. И еще что-то такое, чему больше всего подходит слово «дух»... Она помнила дух этого города. И когда оказалась там спустя двадцать пять лет, сразу вновь его узнала.

Еще смутно она помнила Калининград. Они с братом получили в подарок замечательные пузатые самолеты. Он – синий побольше. Она – красный поменьше. Самолеты были просто обалденные, держать в руках их было необычайно приятно. Леська помнила это чувство – самолет в руке. Прохладная пластмасса касается ее пальцев и ладони. А самолет такой большой и такой красивый. И если посмотреть на него, сразу понятно, что он летает. Это очень понятно. Сразу вид-

на вся особенная тайная страна, где летает ее пузатый красный самолет. У него обязательно есть лицо, он разговаривает мальчишеским голосом, немножко с басцей... А она, Леська, сидит в кресле пилота, и на ней большие защитные очки и специальная одежда. Ветер и солнце бьют в лицо. Внизу сочно-зеленые деревья и разноцветные домики... Ух, красота!

Родители переехали из Калининграда, когда Леське было два года.

До того как их семья поселилась в восьмом доме, в Подмосковье, Леська мало что помнила. На первый взгляд, конечно. Просто то, что она помнила, было довольно мучительно. Родители хлопотали с переездом, Леську определили в ясли, перетекающие в сад. Мама говорила, что там она сидела, качалась и орала басом на одной ноте. Так она могла сидеть, качаться и орать часами. Единственное светлое воспоминание, которое у нее запечатлелось с той поры, – это была чудесная тететька по фамилии Пирожкина. Вообще-то она была Рожкина, но Леська свои особенные доверительные чувства к ней могла выразить одним только способом. Всякий раз, разговаривая с мамой об Але Рожкиной, называть ее Пирожкина... Это была мамина подруга, которая работала в саду, в группе Леськи. Мама работала в том же саду, но не могла по правилам сада быть вместе со своей дочкой. В общем, когда с Леськой была Пирожкина, она переставала горевать и даже немножечко играла.

По маме Леська все время тосковала. Леське больше все-

го на свете хотелось быть с мамой. Мамы всегда не хватало. Леська боялась ее рассердить, огорчить. Радовалась, когда мама была с ней и была ей рада. Но все равно это почему-то казалось временным и ненадежным. Вот сейчас мама уйдет. Вот сейчас рассердится.

Мама часто сердилась или бывала чем-то расстроена. Мама свободолюбивая, она не могла терпеть советскую реальность. Каждую незначашую ерунду приходилось выстаивать часами в очереди, выписывать заявлениями, выпрашивать знакомых... Леська помнила, что та жизнь была как накрытая крышкой кастрюля. Все время мало света, пасмурно, резкие голоса, взывающие к совести, ранние холодные вставания, растянутые на коленях колготки. Леське от мамы передался вкус в смысле эстетики. Ее эстетическое чувство надрывалось от цвета стен в поликлинике, от вида домов, от одежды, от лиц... От всего. Просто от всего...

Леська жила в своих историях, стараясь поменьше соприкасаться с реальностью. Папа часто бывал в командировках и привозил из командировок книги. Для Леськи он привозил сказки, конечно. Больше всего Леська любила «Сказки народов мира». Особенно восточные. Пери и дэвы, роскошь и красота приводили ее в полный восторг. Еще Леська любила сказки про принцесс. Но странно. Ощущала-то она себя только и исключительно принцессой в смысле внешней красоты и внутренней исключительности, а вот жила жизнью и приключениями главного героя, то есть мужчины. А хотя,

что странного? В жизни принцесс до и после кульминационного момента с женихами ничего интересного-то и не было. А вот у самого главного жениха жизнь была что надо! Вот тебе приключения, вот тебе путешествия, открытия, победы, новые знакомства! Кстати, Леська само слово «жених» почему-то произносила как «нежих»...

Еще Леська обожала играть в кубики. Они были разноцветные, деревянные, довольно большие и складывались в большой зеленый деревянный ящик из-под чего-то. Все вещи в те времена были... как бы сказать, многофункциональные. Когда освобождался ящик, он не выкидывался, ему находили новое применение. И это было здорово, когда оно, это новое применение, находилось и было уместным. Так вот, в зеленом ящике из-под чего-то хранились Леськины кубики. Она сама или вместе с братом могли из них сделать что хочешь. Хочешь замок, хочешь дом, хочешь – что хочешь...

Еще была настольная игра, в которую они играли всей семьей, путешествие по какому-то необыкновенному Лукоморью. Еще была любимая книга, в которой герои запрыгивали внутрь марок и попадали в нарисованные обстоятельства. Диафильмы и чтение перед сном. Целый мир в книге с рисунками Херлуфа Бидструпа. Гости по выходным и обязательно предшествующий их приходу волшебный саксофон Фаусто Папетти...

Все это было прекрасно.

Плохо только, что некоторые сказки были страшными.

Особенно плохо, если их показывали по телевизору. Леська помнит, когда впервые испытала настоящий ужас и совсем не смогла спать ночью. Тогда вечером они всей семьей посмотрели немецкий телеспектакль «Карлик Нос». Вид уродливого карлика и мешок с отрубленными головами вместо капусты на протяжении многих лет преследовал Леську в темноте... Она бежала к родителям, укладывалась к ним под бок и только тогда спокойно засыпала. Да, эта беготня по ночам продлилась очень долго... А когда Леська оказалась замужем, возможность на законном основании спать у кого-то под боком ее очень радовала.

Глава 2. Восьмой дом

Восьмой дом, куда Леськина семья переехала в ее три года, ей нравился. Он был маленький, трехэтажный, трехподъездный, светло-желтого цвета старинного особняка. Вокруг дома было много зелени, деревьев. Окна затеняли кусты, а справа от дома начиналась липовая аллея. И когда весной цвели липы, дурман-запах тек по улице, проникая даже в квартиру Леськи.

Сама квартира, правда, была сыровата. Из окон в холодные дни ощутимо дуло. Леська помнила, как они болели вместе с братом. Если кто-то из них заболел, неизбежно через пару дней заболел другой. Но это их скорее радовало, болели они со вкусом. Прямо скажем, с удовольствием. Можно было лежать, ничего не делать, никуда не ходить. Читать книги, играть в игрушки. А потом вообще стало можно телевизор смотреть. В восьмом доме телевизоров было уже два. Потом их становилось все больше. Леськин папа увлекался техникой. И у него все работало, даже самое неисправное. Правда, все работало не ахти, и без папы обязательно начинались какие-то сложности с техникой. А потому что она слушалась только его: техника ведь не дура, знает, кто ее любит и кормит. А папа и любил, и кормил своим вниманием, заботой. Иногда вечерами папа паял. Паяльник – это такая железная длинная штука на деревянной ручке с элек-

троппроводом. Когда паяльник подключен, железная штука раскаляется и окунается в специальную паяльную смолу. Конечно, называется эта субстанция как-то по-другому. Назовем ее смолой для простоты. Она, эта смола, когда холодная, твердая как камень. А когда ее касаются раскаленным паяльником, становится тягучей. Очень красивая, янтарного цвета. Вечерами, когда папа брался паять, комната наполнялась густым синим дымом...

У брата с Леськой там была своя комната, у родителей – своя. Но вообще-то это была коммуналка. То есть в их квартире была еще одна неведомая комната, принадлежавшая совсем чужим людям. Но эти люди почти никогда в ней не жили, она стояла закрытая. В ванной, кухне, туалете, коридоре на не вполне законных основаниях царствовала Леська. Ну, и вся ее семья тоже.

Еще по соседству, кажется, на втором этаже, жила бабушка. Как ее звали, Леська уже и не вспомнит. Бабушка была очень добрая. Очень. В ней была какая-то особенная доброта, вместе с мудростью. Она любила Леську. Сейчас вот это кажется каким-то странным и даже натянутым. Ну с чего это чужой бабушке любить постороннего ребенка? Но тогда Леське это не казалось странным, а очень даже естественным. Когда ее любили, это было хорошо, приятно, но совершенно естественно. Кстати, так и до сих пор...

Леське нравилось, что жили они на первом этаже. В окно было видно улицу, играющих ребят, двор, подальше – дом,

в котором жил мальчик Денис. Он нравился Леське, потому что был похож на мальчика Кристофера из книжки про Карлсона, как его нарисовал художник. Он казался Леське очень красивым. Спустя десять лет этот мальчик влюбится в Леську и будет за ней ухаживать. Леська не ответит ему взаимностью. А потом еще лет пятнадцать он не женится... В общем-то, и сейчас он еще не женат.

Брат часто, но неохотно брал с собой Леську гулять. Мама ему велела, поскольку старший. А Леське очень нравилось гулять с братом и играть во всякие мужские игры. В ножички, салки, сифы и все остальное. Правда, она себя чувствовала чужой. Наверное, потому что брат тяготился ею. Она же была маленькая, не могла так быстро бегать, как вся орава мальчишек. Брату приходилось ее тащить, а самому опаздывать к игре...

В один из годов брат неимоверно превзошел Леську во всех смыслах. Он пошел в школу. Школа была буквально в соседнем доме. Но брата все равно нужно было водить через гарнизонную проходную и дорогу. Эта проходная, кстати, почему-то сильно волновала Леську. Что-то неведомое, прекрасное было в том, чтобы выходить за территорию...

Когда брат пошел в школу, Леське исполнилось пять лет. Время, когда они вместе ходили в детский сад, только в разные группы, закончилось. Это было грустно. Леське нестерпимо хотелось в школу. И именно в ту, куда пошел брат. Вообще ей все хотелось, как у брата. Но получалось только с

одеждой, которую Леська с гордостью донашивала. Брат ревностно охранял все свое от Леськиных посягательств. А когда пришло время и все его друзья по очереди стали влюбляться в Леську, вызывал приятелей на разговор и говорил свирепо: «Это моя сестра!» Ухажеры пугались и ретировались.

Вообще привычка задвигать то, чего очень сильно хочется, куда подальше, начала появляться у Леськи ужасно рано. Можно только предполагать, что ее останавливало. Например, то, что «неправильные» желания могли расстроить маму. И не могли бы, а точно расстраивали. Мама гордилась, что у нее дети воспитанные, ничего не просят. Но, положав руку на сердце, Леське сложно было удержаться от просьб.

Была ли Леська счастливой тогда, в восьмом доме? Хотя она любила восьмой дом, Леська не была счастлива. Ей как-то нелегко жилось. Она была как будто чужой и ненужной. Хотя точно знала, что родная и нужная. Но чувствовала себя неправильной. А свои желания – глупыми и никчемными. В характере Леськи таинственным образом сплелись воедино могучая тяга к правде, справедливости, за что соседи прозвали ее прокурором, и скрытность в той части, что касается самой ее, живой и настоящей. Когда Леське хотелось конфетки, она не могла просто подойти и взять ее. Ей было стыдно. Зато могла лет до пяти взять ее втихаря и спрятать фантик. А после пяти лет и этого уже не могла. Потому что поняла, что так поступать еще стыдней. Могла только меч-

тать о том, как пойдет и возьмет. И ждать, что конфетка волшебным образом попадет к ней.

Вот так Леська стала терять свои желания. Она их имела, но не исполняла. Желания накапливались и давили на нее всей своей неистраченной силой изнутри. Но Леська ничего не могла поделать. Она не умела идти по дороге своих желаний. А, значит, по своей дороге. И она брела, спотыкаясь, распевая бравурные песенки, которые другие хотели от нее слышать.

В восьмом доме у Леськи случились чудесные мурашки. Однажды сбоку дома, на скамейках около песочницы, собрались ребята, мальчики и девочки. Леська была самой младшей. Одна девочка усадила Леську на скамеечку и стала делать ей прическу. Когда она расчесывала длинные Леськины волосы, по спине у Леськи бежали та-кие приятные мурашки, что она вся размякла и сидела в блаженстве. Забавно, прошло много лет со времен той песочницы, и кто-то придумал такую штуkenцию, похожую на раскрытый венчик для взбивания яиц. Называется этот агрегат «массажер Мурашка». Так вот, если им поводить по голове, особенно если не себе, а другому и неожиданно, начинаются те самые прекрасные мурашки. С тех пор Леська нашла способ прийти в гармоничное состояние. Просто нужно найти мягкую женственную парикмахершу, которая будет легко, без нажима, причесывать, стричь, оживляя Леськины кудряшки и заодно пугливые мурашки.

В восьмом доме им с братом всегда читали на ночь... А еще они баловались все вместе, всей семьей. Особенно с папой. Он очень любил смешить или щекотать. Там же они с братом научились читать, и зачитали от души! Полюбили это дело. Леська уже в четыре года бегло читала про себя. Что? Конечно, сказки, что же еще. Брат же читал все подряд. Это не художественное преувеличение. Он читал все подряд. Что попадалось под руку, то и читал. Инструкция к миксеру или радиоприемнику, фантастика, классика, исторические книги, журналы... Сейчас выросший брат не перестает поражать свою жену внезапными энциклопедическими знаниями на абсолютно непредсказуемые темы...

Вообще Леська уже в восьмом доме поняла, что у нее особенная семья. Она ей очень гордилась. Все в семье были очень умные и образованные. Любой ее вопрос находил четкий и развернутый ответ. Правда, просто так показывать свои знания считалось некультурным и называлось «умничать».

Глава 3. Полет

У Леськи была эльфийская природа. Ну то есть она не была эльфом. Потому что она – человек. Живой и вполне нормальный. Но в ней было куда больше воздуха, чем земли или, скажем, воды... Часто она видела в полусне, как летает. И это действительно были как будто не совсем сны, ощущения совершенно реальные. Она чувствовала, что летает. Поднимается то выше, то ниже, разглядывает с высоты свой город... Особенно почему-то часто Леська видела, как перелетает через широкую реку, попадает в вихревой поток и скользит по воде...

Но это все на грани реальности и иллюзий. А в жизни Леська просто отличалась легкостью. Легкостью на подъем, она готова была ехать-скакать при первой возможности куда подальше; легкостью в идеях, тягой к творчеству во всех его проявлениях. Наверное, именно эти качества привлекали к ней людей, вовлекали в ее идеи, как ее саму в тот самый вихревой поток. Вихрь кружил голову мужчинам и женщинам. Но то, что мужчинам, конечно, приятнее...

К сожалению, в своей чистоте и первозданности ее воздушная природа проявлялась не так уж часто. Сдерживали-искажали ее, конечно, они, страхи. А страхов у Леськи было предостаточно. На любую тему, какую ни возьми. И тогда ветер останавливал свое движение, замирал, воздух на-

чинал застаиваться. Эту внутреннюю духоту Леська чувствовала физически. Ей не хватало воздуха, было душно. Даже на улице зимой порой возникало такое чувство. И она расстегивала на холоде пальто, снимала шапку, включала обогрев в машине в режиме кондиционера... Ничего не помогало.

Облегчение приносило только общение и только с правильными людьми. Леська не могла бы дать точного определения тому, кто такой «правильный человек». Ряд разрозненных признаков, таких как чувство юмора или искренность, увлеченность и самобытность, не дает полной понятной картины того, кто правильный, а кто нет. Леська просто чувствовала себя сразу хорошо рядом с правильным человеком. Снова начинала глупо хихикать по поводу и без. И периодически воспарять, зависая в воздухе, как же без этого. Таких людей в ее жизни, как ни удивительно, было немало. Степень правильности только, когда к сожалению, когда к счастью, колебалась. Вот так не пообщаешься с самым что ни на есть правильным человеком год-другой, а он... Бр-р-р. Сер лицом и мюслеобразен в мыслях. А бывает, самый что ни на есть трясучий тип или просто противный через время вдруг превращается в Человека. Как с капусты вялые пожухлые листья сняли – а внутри она свежая и хрустящая. Кто разберет. Леська и не пыталась. Просто просыпалась и отдыхала от своих кошмаров. А потом опять впадала в беспокойную и мучительную спячку. Предположить, когда одно состояние сменит другое, как долго продлится, было невозможно.

Или возможно... Но только сама Леська никак не могла этим управлять. Иногда все шло как нельзя лучше, весна, птички, общее благоденствие, и вдруг ка-ак накатит. А иногда все, наоборот, так препогано, все-то Леську мучают, все покушаются на ее время и нервы. А у нее внутри: «Три часа, полет нормальный!» И ничего ей не делается.

Недавно пересмотренный «Осенний марафон» вызвал у Леськи неожиданный отклик в душе. Она ненавидела этот фильм так же, как Штирлиц – «Девушку моей мечты». Но посмотрела. Главный герой фильма Бузыкин – фигура по-чеховски трагикомическая. Раньше Леська не могла вытерпеть его постоянные сделки с собой и совестью, его нерешительность и слюнтяйство. А в этот раз она задумалась. А как она бы поступила на его месте. Если есть вот такая вот многолетняя жена и воодушевленная любовница. Вообще, осталось за кадром самое главное – как Бузыкин в принципе попал в эту историю. С его-то нирыба-нимясовством... Да, Леська понимала, что она в эту воду просто бы заходить не стала. Любовник, суетливые встречи, замечание следов... Бр-р-р-р... Противно такое даже представлять. Но тут важно другое. Вопрос выбора. Причем не вообще выбора, а в конкретных заданных условиях, а именно: кому из близких людей разбивать сердце в связи со своими собственными поисками счастья... Невыносимо.

Леська летела по небу, а ее жизнь отражалась внизу, в речках, ручейках и окнах... Ее жизнь происходила как-то сама

собой. Леська летела-летела, смотрела в бесконечно разнообразную палитру неба, любовалась нежностью восходов и решительностью закатов... А там, внизу, она разговаривала с какими-то людьми, играла в работу и образование, выходила замуж, ссорилась и мирилась с мамой, совершала регулярные звонки родственникам. Потом, спустя время, она заметила, что летит не одна. Где-то, то ниже, то рядом, то выше нее, летит муж... И вдруг она увидела летящих откуда-то сверху двух ангелов... Маленьких и прекрасных. Они летели прямо к ней, запрыгивали в живот и выходили уже там, внизу... В самую гущу людей...

Отпускать их в мир было тяжело. И страшно. Она каждый раз страдала, оттягивала момент называния малышей. А люди, все подряд, даже чужие-случайные, все с жадностью твердили: «Родила? Родила? Как назвали? Как назвали?» Когда факт называния свершался, становилось легче. Жизнь принимала новых членов и до поры до времени теряла к ним интерес.

Полет Леськи продолжался. Теперь они уже летели маленькой стаей. Прибавило ли это Леське счастья? Конечно, прибавило. Только счастье – это такая субстанция... Как мед у Винни Пуха. Если уж оно есть, то есть, и с прибавкой еще больше. А уж если нет, то нет. И Леська летела-летела, сомневаясь и мучаясь, совершая массу очень и крайне важных дел. Но что-то самое главное всегда держа в луче внутреннего света...

Что оно, черт его дери, самое главное?

Глава 4. Любовь

Леська чувствовала, что любовь. Но вслух все равно бы не сказала. Почему... Потому что Леська вообще-то человек серьезный и про всякие глупости, типа любви, говорить не привыкла. Вклад в человечество, всеобщее процветание и счастье, развитие науки и техники, гуманизация общества – это пожалуйста. Про любовь в самом безжизненном, то есть глобально-философском смысле, – тоже...

А вот про самую что ни на есть любовь... В простом и приземленном смысле. Между мужчиной и женщиной... Это так тревожило ее, так тянуло... Что она и сама с собой об этом говорила и думала вполуха-вполслова.

Некоторые песни вдруг взрывали ее всю изнутри. И она начинала плясать какие-то бешеные танцы одна, дома. Или становилось пронзительно-кристально ясно, все-все. Вихрем неслись картины перед ее глазами. Закат, убегающая прямо в него дорога. А внутри – свобода! Потому что любовь.

Она даже немного боялась себя в такие моменты. В ней просыпалось что-то ведьминское. Она чувствовала в себе могучую силу, силу магнетическую. И боялась выпустить ее наружу, не знала, как ею распорядиться... Просто чувствовала и ждала.

Сколько себя помнила, Леська ждала. Она ждала, хотя

ненавидела ждать. Может, как раз потому, что ждала в главном. Всю-всю жизнь. Внутри нее были голоса, легкие и воздушные, трепетные и нежные. Но также занудливые и вредные, конечно. Вообще голосов, то есть мыслей, было много. Просто когда речь идет о мыслях, получается, что они все Леськины. Будто бы она сама их создала и озвучила. А вот голоса означают, что идеи, которые они озвучивают, Леське не принадлежат. Просто когда-то очень давно, в самом раннем детстве или, может, совсем недавно, кто-то что-то сказал, а Леська и поверила. И понесся круговорот в Леськиной голове... Ей говорили много. Некоторые вещи говорили много-много раз. Так, как будто это само собой разумеющееся. Потом, правда, Леська могла обнаружить, что все это «само собой разумеющееся» совсем не соответствует действительности. Ее действительности. Но мысль, привычная, как грязь по весне, не исчезала.

Леська все собиралась навести порядок в своей голове, вымести оттуда весь мусор. К сожалению, не получалось. Зато Леська стала ужасно придирчивой в смысле внешнего порядка в себе и доме. Иногда это выливалось в стремление поддерживать порядок на уровне стерильности. И это было утомительно. Вещи раздавались или выкидывались. Со столов и тумбочек убиралось абсолютно все. Вещи, надетые один раз, бросались в стирку... Все это приносило облегчение. Но ненадолго.

Что касается внешнего порядка в себе, то есть во внешне-

сти – это было еще сложнее. Леська прилагала кучу усилий, чтобы привести себя в соответствие со своими собственными требованиями. Когда это ей удавалось, самое логичное было бы замереть где-нибудь в людном месте, чтобы ею могли налюбоваться, а она – попозировать всласть. Но Леська была человеком активным. Молча позировать было скучно. Поэтому она неслась по своим адресам, стараясь не потерять доведенную до совершенства упорядоченность образа... Это было нелегко... Особенно если нужно было поесть, особенно в компании. Видимо, назло подсознание Леськи выдавало какой-нибудь кульбит, и вот уже пивная кружка валяется на столе, а все ее содержимое могучим потоком изливается на ее белоснежные брюки. Ну, или капнуть на себя что-нибудь. Или колготки порвать... Это Леське запросто. Леське давно было пора навести порядок в голове, я же говорю. Но все как-то не получалось...

Но, несмотря на все эти нелепые нелепости и занудные занудности в стремлении к чистоте и порядку, Леська на самом деле была совершенно нестерильный человек. Она была взлохмаченной, несущейся на всех парусах неважно куда, лишь бы нестись и чтобы хотелось. Она была румяной, и глаз ее горел. Внутри нее плясали бесенята, смешившие ее каждый раз, когда она о них вспоминала. И оттого все, что думала Леська своими мыслями, а не чужими, было смешным и даже парадоксальным. В нее, когда она была собой, влюблялись сразу, с первого взгляда. И это было самым есте-

ственным из всего естественного. И она влюблялась с первого взгляда. Постоянно.

Первый раз ей признался в любви мальчик Ваня. Это было ранней весной в туалете детского сада. Странно, но туалет был общим. Видимо, считалось, что советские дети до семи лет сохраняют младенческую наивность и не замечают некоторой разницы в устройстве девочек и мальчиков. Что бы ни считалось, но на детской площадке детки давно и с удовольствием играли в доктора. В самом что ни на есть эротическом смысле... Так что туалет был выбран как место для признаний неслучайно. Во-первых, уединенность, такая недостижимая в «группе», во-вторых, очевидная противоположность в смысле пола.

Так вот. Мальчик Ваня подошел к Леське и сказал: «Я тебя люблю». Это было неожиданно и очень приятно. Но как-то непонятно. «И что я должна теперь сделать в ответ?» – недоумевала Леська. Поскольку ничего она не придумала, это признание так и осталось висящим в весеннем воздухе детскосадовского туалета.

Потом Леська услышит эти слова не раз. А реакция ее будет всегда одной и той же. Как в самый первый раз. Приятно и непонятно... «Что я теперь должна с этим делать?..»

Глава 5. Школа

Когда Леське исполнилось семь лет, ее семья: мама, папа, брат и она – переехала в новый девятиэтажный дом. Папе на работе дали квартиру. Все, конечно, было непросто. Квартиру давно обещали и долго не давали. Либо предлагали не то. Но Леська обо всех этих перипетиях не знала. Просто в какой-то момент они всей семьей взяли и переехали. Прямо к сентябрю первого класса Леськи.

Она помнила, как рабочие вчетвером или даже впятером поднимали по лестнице на пятый этаж ее пианино. В доме был только один лифт, пассажирский. А пианино было большим и очень тяжелым. Рабочие долго и с явным трудом его поднимали. А потом занесли в комнату Леськи и брата. Поставили они его как-то странно, полубоком. Леська увидела это и сказала приехавшей из Мичуринска проводить внучку в школу бабушке Юле: «Как криво!» Бабушка согласилась: да, мол, кривовато. А потом Леська отчетливо услышала кухонный разговор бабушки с папой: «Ты представляешь, рабочие такую тяжесть несли на пятый этаж, а ей не нравится, как поставили! Фу, гадость!»

Для Леськи это был удар. И самое обидное, что непонятно, что теперь делать. Сказанного не воротишь. Но, во-первых, она не хотела обидеть рабочих, которые все равно уже ушли и ее слов не слышали. Во-вторых, она констатирова-

ла то, что видела. Ну а в-третьих, она никак не могла ожидать такого от бабушки Юли. Ведь та сама с ней согласилась! Да и вообще, бабушка Юля была отличной бабушкой. Она не заставляла доедать, высиживая часами за столом. «Не хочешь – не ешь, нам больше достанется!» – с улыбкой говорила бабушка им с братом. Она возила их с собой на работу, в библиотеку. Раньше она была заведующей, а теперь подрабатывала в своей же библиотеке уборщицей. Там можно было выбирать любые книжки! И читать их сразу или брать с собой. А еще бабушка Юля была необыкновенным рассказчиком. Когда она начинала какую-нибудь свою историю, обязательно смешную, все слушатели замирали, открыв рот. Заканчивалась любая ее история под гомерический хохот публики. В общем, бабушка Юля была молодец. А тут такое! В ее, Леськин, адрес. Леська сильно расстроилась и, так и не поняв, в чем провинилась, стала более придирчивой к своим словам.

Кстати, как раз этот случай открыл Леське странное распределение звука в новой квартире. Кухня, самое удаленное от их с братом комнаты место, идеально прослушивалась как раз с Леськиной кровати. А наоборот – нет. И вообще, вся остальная квартира была защищена в смысле подслушивания. Каждая комната была сама по себе, там вполне можно было вести любые беседы без лишних ушей. А вот кухня... Да. Это было странно и интересно. Например, когда они с братом учились в старших классах, Леська, которую запи-

хали спать, услышала «мужской разговор» одноклассников брата. Она узнала много нового об отношениях мужчины и женщины и много новых слов...

Но тогда, в пианинов день, ее голова была занята совсем другим. Она идет в школу! Целых два года, с тех пор, как туда отправился брат, она об этом мечтала. И вот уже совсем скоро. С садом покончено! Она будет ходить в школу и возвращаться домой к обеду. Она будет октябренком! А потом станет пионером! Леську все это сильно вдохновляло.

Тридцать первого августа Леську отпустили гулять. Всех домашних лихорадило. Переезд, новый дом, сборы детей в школу... Поэтому Леську отправили гулять с облегчением. Леська пошла за дом, на новую площадку. Собственно, весь их район был новый, военный городок еще отстраивался. Леська на улице познакомилась с какими-то девочками и мальчиками. Они отлично играли, лазали по лабиринту, бегали... Потом какая-то новая знакомая предложила Леське пойти к ней домой поиграть в кукол. Леська, естественно, согласилась. Они играли до прихода девочкиной мамы. Та спросила у Леськи: «А твоя мама знает, что ты пошла к нам?» Узнав, что нет, девочкаина мама отправила Леську домой. Довольная и счастливая столь плодотворно проведенным временем, Леська прибежала к себе. А там!..

А там... В общем, на бедную Леську обрушился такой шквал всего самого неприятного, что Леська даже пожалела, что вернулась. Хотя, конечно, она должна была пожалеть,

что вернулась так поздно... Пропала, никого не предупредив... Ну, и так далее. Чувство собственной вины заедало Леську. Мама тогда ругалась отчаянно.

Странно, что именно в главе про школу всплыла «ругательная» тема. И странно, и совсем не странно. Само здание школы, унылые коридоры, хмурые лица уборщиц, гардеробщиц, визгливые голоса поварих, недовольные – учителей... Все это рождало в Леське чувство виноватости. Презумпция виновности, непонятно перед кем, непонятно за что, но виновна, факт.

В школе Леська заковалась окончательно. Спрятала себя, какая она есть, подальше от чужих глаз и четвертных сценок. А миру представила объемную модель Леськи под названием «отличница и первая во всем». Она писала сочинения в стихах, которые зачитывались перед классом под бурные аплодисменты. Только придя в школу, в первом классе, сразу всех обогнала по скорости чтения. С самого начала училась на одни пятерки. В неучебной школьной жизни она была, кем только можно было быть: командиром звездочки, плавно перетекавшей в председателя совета отряда, капитаном команды КВН, членом совета дружины, трижды принимала в пионеры на Красной площади. Она выиграла первый и единственный школьный конкурс «Поле чудес» с настоящими призами.

И на фоне всего этого общественного признания и общей передовитости Леська страдала от неуверенности в себе. Ее

дружба с девочками не клеилась. С мальчиками же все обстояло прекрасно. Но вдруг, после обидного выпада какого-то дворового хулигана, Леська застеснялась, что водится только с мальчиками. Совсем небольшой кусочек суши под ногами закачался на волнах сомнений и стеснительностей... Она не отказалась совсем от дружбы с мальчишками, но что-то внутри нее сломалось. Какой-то барометр благополучия и уверенности. Леська, натужно кряхтя, натянула на себя маску и тут, в самой любимой обстановке и с самыми безопасными людьми – мальчишками... Увы.

Леська помнила, что изначально хотела быть мальчиком. Ей казалось, что мальчикам, то есть мужчинам достались все самые интересные профессии. Космонавт, милиционер, военный, директор... А еще Леська тянулась за старшим братом. Не специально, но с удовольствием носила его клетчатые рубашки и джинсы, находилась в компании его друзей, чувствуя себя не своей. Девчонка, что тут поделаешь...

Леська очень долго стеснялась своей женской сути. И чем больше она в ней прорастала, тем сложнее с ней было Леське. Привыкшей и коня, и избу, и все что хочешь делать наравне, а чаще – лучше, быстрее, звонче, храбрее мальчишек. Один мальчик влюбился в ее боевой характер и даже рассказал об этом своим друзьям. А те – рассказали Леське. Правда, к тому времени этот мальчик по имени Андрей уже перешел в другую школу. Леська ужасно внутри себя гордилась, что вот такой мальчик, в которого были влюблены все девочки клас-

са, выбрал именно ее. Он ей тоже нравился, но она привыкла дружить.

А еще у нее преподавал историю учитель с правильной для историка и мыслителя фамилией Чаадаев. Он рассказывал, что является потомком того самого Чаадаева и что у него в гараже стоит лошадь. На переменах он уходил в свою маленькую комнатку, закрывал дверь и курил, пока из-под двери не начинал просачиваться синими клубами дым. В общем, он был странный мужчина. Но у него была харизма и загадка, и он нравился Леське. А она нравилась ему. Только не гадко-сомнительно, а в некоем предвкушении-ожидании, какой она станет, когда вырастет... Он видел в ней то, что и сама Леська в себе не видела, – красоту, породу, женственность...

Кроме того, у нее были сложносочиненные отношения с сыном маминой подруги. Сережа был на шесть лет ее старше, но выказывал к ней явную симпатию с самого Леськиного щенячьего возраста, лет с пяти. Всякие переглядки, особые слова, комплименты, вся эта странная и непонятная история продолжалась до ее шестого класса. Если бы Леська хоть немножко умела быть девочкой тогда, может быть, у них случился бы роман под названием «первая любовь». Прямо как в чудесном фильме «Вам и не снилось»... Но Леська не умела.

Еще ей нравились мальчишки из их общей компании. Сложно сказать, в какой очередности. По кругу. Дима Пе-

тушков, Сашка Ирисов, Пашка Окунько, Коля Спиридонов. Он – особенно. Когда Леська закончила восьмой класс, они с этими ребятами и еще девчонками пошли в парк аттракционов. Погода была прекрасная. Солнечная, ясная, теплая. Они сами пошли далеко от дома в этот парк, сами выбирали, где кататься. А особенно – с кем кататься... Коля Спиридонов катал Леську. И другие ребята тоже. Она просто купалась во внимании. Эх, да чего там – в любви! Вот это удивительное чувство – быть в эпицентре любовного вихря – Леська испытала впервые... Настолько сильно она испытает его, только когда станет в два раза старше, перенесется из четырнадцати в двадцать восемь. И вот тогда, на тридцатилетии брата, сидя с его школьными друзьями на веранде родительского дома и бренча-попевая старые полузабытые песни, Леська почувствует себя растворенной в могучем потоке любви вот этих самых людей. Уже таких взрослых, таких серьезных... И поймет, что не зря она училась играть на гитаре, не зря подбирала и пела им песни, ведь на этих школьных, а потом и студенческих вечерах-попойках-посиделках росли и расцветали их души...

Между этими двумя веками, конечно, множество эпизодов. Школьный выпускной брата, и ее кружат танец за танцем один за другим ребята... Горячая испанская ночь, бушует Фиеста, пригород андалузского города Малаги, а она держит на себе всю дискотеку, и все взгляды обращены к ней... Доминикана, и двое влюбленных мужчин борются за ее,

Леськино, внимание... Другая дискотека, в зимней Москве, она танцует, сливаясь с ритмом, и ее тело ей послушно, а все окружающие, замерев, смотрят на нее... Солидный, тонкий и образованный мужчина робеет рядом с ней и показывает что-то в своем компьютере... Ее будущий муж смотрит на нее впервые в жизни, и в его глазах отражается любовь.

Глава 6. Музыкальная школа

Леська сидела тихонько на задней парте кабинета сольфеджио, а на коленях ее лежала раскрытая книга Соловьева про приключения Ходжи Насреддина. Ей было хорошо. За окном бушевала весна, пели птицы, а здесь было тихо и торжественно. В солнечных лучах вились струйки пыли, мягко звучал голос Любови Васильевны, со всех сторон Леськи сидели ее друзья или просто приятные ей люди... Она и здесь была лучшей, так что тихонько подхалтуривала, время от времени читая свою любимую книгу. Леська прекрасно училась в музыкальной школе. Она ее очень любила. Без мазохизма или, наоборот, самолюбования. Она просто любила музыкальную школу именно такой, какая она была. Любила своих учителей, особенно учительницу по специальности, добрую и в то же время интеллигентно-строгую Валентину Леонидовну, и обладающую поистине фейским обаянием Любовь Васильевну, преподававшую хор и сольфеджио. Музыкальная школа отвечала Леське взаимностью. Ее любили, ценили, она вела концерты и даже иногда исполняла на них произведения своего собственного сочинения.

Леське нравилась особая атмосфера, царившая в музыкальной школе, кабинеты с высокими потолками и окнами. Гулкие коридоры, кабинеты с инструментами. Даже название здания, где была музыкальная школа, напоминало о чем-

то возвышенном – Дом офицеров...

Закончила Леська музыкальную школу, конечно, на одних пятерки. И однажды даже выиграла конкурс этюдов. Но это было скорее случайностью, чем закономерностью. Потому что Леська боялась спортивной соревновательности. Она не любила конкурсы, слишком сильно волновалась и делала какие-нибудь глупые ляпы в давно доведенных до автоматизма пьесах. В какой-то момент концерта или конкурса у нее обязательно появлялась подлая мысль, что вот-де все ее слушают, все на нее смотрят, и сразу за этим внутри нее все холодело, замирало, предпочитая пересидеть опасный момент. Леська совершала глупую ошибку... После которой все снова начинало работать в полную силу, разум и руки опять начинали ее слушаться, и она благополучно доигрывала до конца. Так что победа в конкурсе была случайностью, а не закономерностью. Просто в этот день она ужасно торопилась на день рождения своей одноклассницы и мечтала лишь о том, чтобы быстрее отбарабанить и убежать. А потом уж Леська узнала от учительницы, что была лучшей среди всех, даже уже зарекомендовавших себя музыкальных «спортсменов». И ее фамилия висела некоторое время на стенде музыкальной школы с припиской – «первое место»... Все-таки Леське нравилось быть первой. Факт.

В музыкальной школе у Леськи были замечательные друзья. Им было вместе интересно, они все время что-то выдумывали. На выпускной вообще разыграли для учителей це-

льный спектакль по мотивам сказки «Красная Шапочка», пародию на модные в те времена бразильские сериалы. Разговаривали они исключительно глупыми междометиями, типа «бум-кара-бырцшвак!», а один парень, исполнявший роль переводчика, говорил по-русски длинные смешные фразы. Они придумали себе наряды в духе бразильских героев. Леська играла бабушку. Она нацепила дурацкие очки на кончик носа, чего-то там изобразила на голове, а под широкое платье, взаправду взятое у бабушки, подвязала подушку. Весь этот вид дополнялся особому виду прихрамыванием и Леськиным темпераментом. Зрители хохотали.

Что касается сольфеджио, тут волноваться не о чем, Леська была молодец. У нее обнаружился замечательный слух, она с легкостью писала музыкальные диктанты. Музыкальный диктант – это когда учитель играет мелодию, а ученики должны ее записать нотами, соблюдая тональность, длительность, ритмику и все остальное. Причем никто ведь не говорит: «Начинайте с ноты «ля». Сами должны догадаться. Для многих музыкальные диктанты были совершенно непосильной задачей. А Леське удавались – и потому нравились. Кроме того, она была дисциплинированной в смысле домашних заданий.

Но вообще больше всего она любила другие задания – творческие. Когда, например, им на музлитературе включали какое-нибудь произведение. И нужно было рассказать о тех образах, картинках, которые возникали. Догадаться, как

называется произведение или чему посвящено. Леське это очень нравилось. Более того, когда она сама играла, она всегда придумывала ту историю, которую играла. Иногда им давали задание придумать музыку или стихи к какой-нибудь картине. Леська однажды выбрала для описания картину Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Картина и та реальная история, которая случилась много столетий назад, так потрясли Леську, что у нее родилось большое стихотворение, наполненное ее эмоциями. Написала она его на бегу, по пути в музыкальную школу, она вечно куда-то опаздывала. Но получилось от души. Вообще, удивительно, но именно этот момент, когда Леська бежала в музыкальную школу, на ходу соединяя слова и фразы... Момент, когда в голове у нее рождались образы далекого прекрасного города Помпеи уже на краю своего исчезновения... Именно этот момент запомнился Леське ярко, во всех деталях. Вместе с ясным вечерним небом, подсвеченным еще желтыми полосками заката...

А Помпеи, этот древний город, стал для Леськи символом Божьей воли, иногда сокрушающей, но все равно поразительной. Она и мечтать не смела о том, чтобы побывать на раскопках Помпей. Но все-таки мечтала. И почему-то эти мечты для нее были мечтами вовсе не про прикосновение к древности. Или про счастье ныне живущего в сравнении с погибшими тогда. Эти мечты, так же, как и все приключения Ходжи Насреддина, как и все-все в музыкальной школе, включая странные комнатные растения, похожие на карли-

ковые деревья, с короткими жесткими ветками и темно-зелеными сочными листиками... Все-все это было для нее про любовь.

Но тогда, когда Леська сидела на задней парте в кабинете сольфеджио, а на коленях у нее раскинулась жаркая томящаяся Бухара, ей еще было далеко до выпускного. Она успевала выхватить только пару строк. Но и это было очень приятно и волнующе. Любовь Васильевна ничего не замечала.

Глава 7. Неведомые луга

Леська летом ездила к бабушкам. Строго говоря, к бабушкам с дедушками. Бабушек было три, дедушек – двое. Увы, у одной бабушки не случилось дедушки. От этого у нее безнадежно испортился характер, и бывать у этой бабушки в гостях Леське не особенно нравилось. Звали ее Зина.

Странное это имя. Одно время в СССР любили называть девочек Галями, Варями, Зинами, Лидами... Сейчас же само звучание этих имен адресуется куда-то в недалекое, но отчетливо устаревшее прошлое, с граммофонной «Риоритой» на улице. Зин Леська знала не очень много. Но те, кого знала, были похожи уверенными голосами и способностью устроить скандал даже без повода. Еще знакомые Леське Зины любили порассуждать о глупости и неправоте других людей, как в общем, так и в частности. При этом Зины могли запросто с теми самыми людьми, которых при Леське клеймили позором, прекрасно общаться. Потому что обсуждали они их за глаза, а, разговаривая с ними, возмущались поведением кого-нибудь другого. Все это создавало особую интимность в отношениях Зин с другими. Люди не подозревали или не хотели подозревать, что сами являются точно такими же объектами Зининого злословия. Леська на этот счет не питала иллюзий. Правда, прозрение случилось, когда она стала постарше. Кстати, тогда же, когда стала старше, она встретила

совсем другую Зину. Добрую, тонкую и заботливую... Но все это потом.

А тогда, в летние школьные каникулы, Леська с братом вбрасывались на Достоевскую, 35, города Мичуринска, в рижий одноэтажный дом довоенной постройки, огороженный забором. Дом был со ставнями и парадным выходом прямо на улицу. К сожалению, этот выход когда-то был наглухо закрыт, и выходить из дома приходилось через крыльцо в глубине двора. Ну а потом – через калитку на Достоевскую улицу. Это было как шагнуть из одного мира в другой.

Когда Леська стала чуть-чуть постарше, летние вечера на этой улице стали преисполнены особого смысла. Каждый теплый вечер, когда на улицу стекались ребята и девчонки, обещал ту самую, долгожданную встречу. Там и тогда происходило много интересных вещей. Затевались разные игры, «Испорченный телефон» там или «Съедобное-несъедобное». Складывался и зажигался в сумерках гигантский костер, рассказывались страшные истории... Все это было, конечно, про любовь.

А с другой стороны калитки, за домом и двором, был сад. Он потрясал Леську, казался ей огромным. В конце сада еще и тек ручей. Леське казалось, что когда она доходит до конца сада, она попадает в другую реальность. Она смотрела за забор, видела участки соседей и поражалась им так, как будто видела лунный ландшафт. Да, наверное, и ему она бы так сильно не удивлялась. Там, за забором, происходила ка-

кая-то отдельная неведомая жизнь. И ее Леська видела в особых красках. Даже небо за забором было другим, ярче и богаче палитрой.

Когда Леська смотрела за забор сада, маленькая и мечтательная, она одновременно видела и не видела, что там. Ей чудилось чье-то огромное непостижимое счастье, любовь, загадки, которые ей никогда не разгадать. Там, за забором, было то, к чему она хотела, но не могла прикоснуться. Там были жаркие экзотические страны, особые люди, неведомые пути, долгожданные встречи... Там была та жизнь, к которой Леська стремилась всей душой, но которая была далека от нее, закрыта и еще запечатана. На всякий случай. Там была вольная воля, выбор, идущий от сердца.

Там было все не так, как здесь. Потому что здесь – запреты без причин и оснований, запреты ради запретов. Страхи, возведенные в ранг хорошего тона. И лучшее, что могла сделать Леська здесь, по эту сторону забора, – ждать.

Глава 8. Виола от Валио

Леська шла за руку с мамой и папой. Брат бегал вокруг. Они шли через огромное поле по широкой утопанной дороге. Солнце светило ярко, но было не жарко, а приятно. Легкий летний ветерок дул в лицо и развевал волосы. Леська шла, жмурясь от солнца, и его тепло разливалось внутри по всему телу. Она шла и немножко подпрыгивала. Мама с папой разговаривали о чем-то, смеясь. Брат жужжал в игре. По небу пролетал самолет. А вокруг расстилалось кукурузное поле. Кукуруза казалась Леське высоченной, она запросто могла бы потеряться в этом поле, если бы сошла с дороги. Мама с папой остановились и нарвали в сумку несколько початков кукурузы. Початки были сверху зеленые, а внутри, если снять все слои кукурузных листьев, – нежно-желтые.

Потом они пришли домой, в свою квартиру. Такую летнюю-летнюю, с ленивым жужжанием мух, с приятным сквознячком. Мама сварила кукурузу и, когда Леська ее попробовала, это было невообразимо вкусно. После обеда Леська с братом вывалились гулять, играли с какими-то до этого незнакомыми ребятами до темноты... Играли интересно, расстались друзьями.

Леська задумчиво смотрела на баночку плавленого сыра, где два слова повторяли одно другое, если переставить буквы. Она смотрела на простую картинку, изменившуюся со

времен ее детства. Но все равно знакомую и близкую.

Леська смотрела – и внутри нее крепло и расширялось чувство, что там на картинке, мистическим и непостижимым образом запечатлена именно она, Леська. Это она стоит там, на фоне кукурузного поля, и это ее золотые волосы развеивает ветер. Именно на нее влюбленно смотрит фотограф. А через объектив его фотокамеры – весь мир, залитый солнцем и бесконечным счастьем.

Глава 9. Девичество

«В горнице моей светло-о-о-о», – нежно вытягивала Капуро, пока в жизни у Леськи расцветал-распускался новый этап. Самый главный этап в жизни любой женщины. А уж Леськи особенно. Леська впадала в девичество, как в маразм. Незаметно, но неотвратно.

Девичество поглотило ее всю, все ее мысли, все события ее жизни, все встречи и все расставания. Леська безудержно влюблялась, не отвечала взаимностью, страдала от непонимания и страха за собственную натуру. Ужасно далекую от совершенства и все-таки родную и любимую. Красивую и ужасную. Безобразную и прекрасную. Середины у Леськи и раньше не было, а уж в девичестве совсем пропала Леська. То она блистала королевой красоты, ее рисовали художники и устраивали фотосессии фотографы. А то ходила по дому растутехой, пугаясь своего отражения в зеркале и мучаясь, что ее, вот такую, моментально разлюбят или, что еще хуже, не полюбят. Она не могла, ну никак не могла собрать себя для предъявления общественности. И институт в этот день оставался без Леськи.

Все ее мысли были забиты одной только любовью. Самым мелким в мире шрифтом там было набрано это слово тысячи и миллионы раз. И ни для чего другого места не оставалось. Институт, учеба, сессии... Все это проживалось Леськой как:

друзья, подружки, КВН, новогодние и прочие тусовки.

Была, правда, в ее жизни цельная часть без ухода в параллельные реальности. Это было участие Леськи в музыкальных коллективах, а потом – на короткое время, но все же – создание своего собственного. В чужих группах, гордо зовущихся «рок», она играла на синтезаторе. Спасибо музыкальной школе. А потом у нее сами собой стали выходить песни. Так странно. В какой-то момент Леська просто-напросто остановила беготню и сосредоточилась на написании песен. Сидела так иногда в расслабленном одиночестве, наигрывала на гитаре сама себе чего-то, и – бац! – откуда ни возьмись, песня. И, если кто слышал не врет, неплохие песни у нее получались.

С ребятами, которым Леська подыгрывала на клавишных, у них было много концертов. В разных странных местах и неизвестных клубах. У нее же самой, когда уже ей подыгрывали на ударных, соло, бас-гитаре, клавишных и трубе, был только один концерт. Только один. Да и то Леська ночь не спала перед ним, так трусила.

Глава 10. Путь без конца

Леську душили слезы. Они не текли, они именно ее душили. Не давали дышать, стояли комом в горле, текли из носа насморком. Леська страдала от невысказанных, задавленных, искренних своих желаний. Которых накопилось так много, и столько еще копилось каждый день, каждую минуту. Потому что Леська не умела, боялась или еще что, но не получалось у нее жить с ними вместе. Она хотела чего-то, мечтала о чем-то. И... шла в другую сторону.

И только сейчас, придя к особой этой, тридцатитрехлетней планке... Родив двоих детей... И разуверившись в родительских заветах... Только сейчас на Леську начало накатывать цунами понимания, что *вот такая она, ее жизнь, и есть*. Самая что ни на есть. Что она уже происходит. И мало того, произошла более чем на треть.

Чего ты, Леська, ждешь?

Чего ты ждешь, когда тебе хочется танцевать?! Быть в гуще людей и событий?! Наслаждаться жизнью в разных странах?! Общаться и встречаться с разными людьми?! Нестись вихревым потоком по миру?!

И когда тебе, Леська, так мучительно хочется быть собой... Быть собой, любимой.

Сколько раз, еще в школе, а потом в институте, она страстно хотела идти, бежать к друзьям. Тусоваться, веселиться,

радоваться. Посещать разные места. Но сидела дома и делала какую-то ненужную глупую домашнюю работу. Или глупую ненужную учебу.

Леська замерла на грани со своим комом и слезами. Как канатоходец, она балансировала между молодостью и старостью. Вот что такое эти магические тридцать три. Это предел. Предел мечтаний, предел желаний. Это предел, когда становится окончательно ясно: будущее происходит сейчас. Оно же настоящее.

Настоящее, в котором Леськой ежедневно совершалось множество действий. Но не было того самого, самого точного, самого прицельного действия. Того действия, которого ей по-настоящему хотелось. И понимания, в чем оно, это действие состоит, тоже не было. Пока.

Но зато была вера, что она обязательно найдет его, то самое. Найдет. А найдя, совершит. Откроет белую дверь. А там...

В голове у Леськи кружились картинки, разрозненные и яркие. Ее несбывшиеся желания. Мечты, которые всегда жили в ней и никогда не жили в ее жизни.

Каждый день, каждую секунду, стремясь в колумбийские джунгли или утонченный Париж, Леська ждала чуда. Чуда, которое все наполнит смыслом, – и все заживет, запоеет, затанцует. Леська жила в его предчувствии...

Все страны, в которых Леська хотела бы пожить и никогда не жила. Все языки, на которых Леська хотела бы гово-

ритель – и не говорила. Все друзья, к которым так яростно она стремилась, и, достигнув их, не успевала насладиться их обществом... Все поиски смысла жизни и жизнь в бессмысленности... Все разочарования и потери... Неожиданно для себя Леська почувствовала, что во всем этом сумбурном нагромождении мыслей и чувств, воспоминаний прошлого и надежд на будущее, есть то, что она знает наверняка. То, что это самое расширяющее чувство живет внутри нее. Чувство любви без адреса и прописки. Это оно стегало ее и гнало куда-то. Накрывало тоской. Ободряло надеждой. Пугало датами.

Оно наполняло все смыслом – бессмысленным, потому что бессловесным. Оно разливалось по всему телу безмятежностью, когда она смотрела на свою семью. Леська внезапно до мурашек почувствовала, как долог этот путь. И как чудесно идти по нему. Где он пролегает, куда ведет?.. Да какая разница... Путь Леськи, как русло реки, пролегает и идет туда, куда бегут все реки мира. Куда идут все души. А значит, любви будет только прибывать...

– Раз я так хочу путешествовать, встречаться, удивляться, любить, творить и говорить с людьми об этом, значит, это мне и делать, – Леська счастливо вздохнула, посмотрела на дорогих своему сердцу сопящих мужа и детей и закрыла ноутбук.

Конец

Анна Буданова. Барабанщица

Удар, еще удар. Вика с силой колотила безропотного плюшевого медведя, прижавшегося к углу дивана. Хватит. Она опустилась рядом с противником и обняла его за мохнатую шею. Медведь растопырил свои мягкие лапы в объятия и ткнулся в нее чуть покосившимся от удара носом-пуговкой. Хватит, хватит, – еще раз выдохнула Вика. Ну, хватит, – она с силой шлепнула рукой по дивану. Из глаз брызнули слезы. Она еще сильнее прижалась к искусственному меху своего только что отъявленного врага. Мех быстро стал мокрым и неприятно колол лицо. Можно еще пойти побить бутылки об стену соседнего дома. У входной двери стояла сумка (вчера приготовила выкинуть). Но тут же смекнула: осколки, дети. Решительно выкинула эту мысль из головы и выдохнула уже более свободно. Поуютнее устроившись на диване, поджав под себя ноги, она огляделась вокруг. Небольшая квартирка в пятиэтажной хрущевке, смежные комнаты. Эту квартирку Вика создавала по крупицам, стараясь превратить из убогого ободранного жилья в уютное маленькое гнездышко. Получилось. Квартира ожила. И вот теперь она сидела в этом, мать вашем, гнезде, как в золоченой клетке, в которую сама себя загнала. За дверью сопело маленькое двухлетнее счастье. Раскисать долго было нельзя.

Вообще она умела держать удар. Семь лет назад, полная

планов и надежд на счастливое будущее, она приехала, как говорили, «покорять Москву». Перспективы были самые радужные. Она окончила театральный вуз в Челябинске с красным дипломом и была уверена, что сеть столичных театров просто жаждет заполучить ее в ведущие актрисы. Но предположение оказалось предположением. Ее не ждали, ее не брали, ее не хотели и ею не интересовались. Она на фиг никому была не нужна. Вика, усмехнулась, вспомнив, как чуть было не попала в один из известных столичных театров через... постель. Но высокое моральное воспитание (мама была заслуженным педагогом России) не дало ей права воспользоваться столь завидным предложением модного режиссера, за которым водилась такая слабость. И театр стал процветать далее без нее. Потом была работа в небольшом самостоятельном коллективе, каких в ту пору было немереное количество, съемные квартиры, постоянная нехватка денег, работа на днях рождениях деток богатых родителей и безуспешные попытки пройти кастинг хоть в какой-нибудь захудалый сериал. После всех мытарств на горизонте нарисовался он – столичный мальчик. Влюбленный и восторженный.

Всерьез она его не восприняла. Как известно, московские дети – совсем не то, что приезжие лимитчики. Они особо не парятся, что им надо где-то жить и на что-то есть. У них это – изначальная данность. Поэтому серьезные отношения заводить с этими парниковыми особями – дело абсолютно неблагоприятное. Но Роман оказался очень настойчив. Ухажив-

вать он умел. Денег на рестораны у него не было, так как он тоже пополнял плеяду неизвестных и невостребованных актеров, зато фантазии было хоть отбавляй. Он то выкладывал под окнами ее квартиры огромное сердце из горящих свечей. То голосил любовные серенады. То, стащив с очередной работы немного воздушных шаров, преподносил ей букеты из скрученных разноцветных сосисок. В общем и целом, через какое-то время Вика сдалась. Свадьбу сыграли скромную, но веселую. Весь «театральный бомонд» присутствовал в полном составе. Первое время все шло неплохо. Театр доходов не приносил, но дети богатеев регулярно праздновали свои дни рождения, так что работы хватало. Они сняли небольшую квартиру, съездили отдохнуть в Сочи и Геленджик, купили старенький автомобиль и, в общем, наладили вполне себе достойный образ жизни.

Все шло даже прекрасно, пока в один из дней Вика не обнаружила две синеватые полосы в тесте на беременность. К такому повороту сюжета Рома был не готов. Нельзя сказать, что он не хотел детей или не любил Вику, он просто был не готов. Они разделились на два лагеря. Вика, порхающая от счастья будущего материнства, и Рома, угнетенный проблемами заработка денег и содержания семьи. Как человек ответственный, он начал браться за все, что надо и даже не надо. И очень скоро, как это бывает даже с молодым и растущим организмом, силы стали его покидать. 28-летний красавец превратился в занудного, усталого, вечно раздраженно-

го мужчину, который приходил домой поспать и поесть. Его голова, забитая графиком работ и передвижением денежных сумм, которых, как ему казалось, всегда не хватает, отказывалась понимать, что кто-то в этой семье нуждается не в банковском автомате по выдаче денег, а в любящем отце и нежном муже. Ему казалось, что он непонятый герой, который несет в жизнь доброе и вечное, а его зачем-то заставляют стирать пеленки и ходить в магазин за памперсами. Чтобы максимально избежать недостойных для Супергероя дел, он находил дела, Супергероя достойные. Починить машину одного друга, разобрать завал из старых бревен на даче другого друга, подменить сослуживца по работе, у которого ну очень большие проблемы, сыграв за него третий гриб на детском утреннике. Все это отнимало очень много времени, так много, что на Вику и маленького Сашу его почти не оставалось. И вскоре огромный плюшевый медведь, привезенный Ромкой в роддом вместо букета цветов, стал единственным мужчиной в доме.

Ей, погрязшей в пеленках, распашонках, молокоотсосах, баночках пюре, прививках, соплях, слезах и прочей атрибутике счастливого материнства, катастрофически не хватало хоть часочка в день, да хоть в два дня, да хотя бы раз в неделю, чтобы просто сделать вдох-выдох в полном одиночестве. Роме это было абсолютно непонятно. Вика сперва пыталась объяснить, потом – настоять, потом – поругать (даже поскандалить), но вскоре поняла, что все бесполезно. И оставила

все как есть до того самого дня. Он был оговорен сотни, тысячи, сто тысяч раз. Были сверены все графики работ, выступлений и перемещений. Все выверено и вычерчено. Ура. Наконец-то Вика посвятит его себе. Первый свободный день за два года, совпавший с днем рождения подруги. Хороший повод отдохнуть, расслабиться, просто вырваться из ненавистных уже 20 стен, с учетом коридора, санузла и малюсенькой кухни.

И вот, когда она, переодевшись и накрасившись по случаю, доставала из коробки давно не надеваемые туфли на каблуках, раздался звонок черного мобильного. Ну почему именно сейчас у Толяна прорвало трубу, ни пятью минутами позже, когда бы она уже неслась к остановке автобуса, ни днем раньше, ни ночью, ни утром, почему именно в этот самый момент?! И Ромка с виноватым видом сообщил: «У Толяна жопа, надо помочь. Но я быстро, туда и обратно. Ты еще успеешь. Вы ведь не на час собираетесь. Я правда быстро». Он уже натягивал куртку. Хлопнула входная дверь. А Вика так и осталась стоять посреди узкого коридора с модными туфлями в руках. Это была точка невозврата. Она знала, что быстро не получится. Будут откачивать воду, потом поедут на рынок за какими-то деталями, потом будут долго крутить краны, потом, не справившись, вызовут сантехника, короче – в лучшем случае к десяти вечера управятся. Она аккуратно положила туфли обратно в коробку и пошла в комнату, где ее косолапый друг превратился на время в бок-

серскую грушу.

Ну, вот и все. Вика вытерла мокрые полосы на лице и поднялась с дивана. Надо заниматься полдником. Скоро из соседней комнаты раздастся *мам, мам, мам...* Ну да, актриса из тебя не получилась, счастливая жена и мать тоже, но в целом все не так уж и плохо. Эта обычная фраза, которую Вика произносила каждый раз как некое заклинание-успокоение... Сегодня оно почему-то не работало. На кухонном столе валялись газеты, счета за квартиру и еще какие-то рекламные листовки, которые обычно раскидывают в почтовые ящики. Вика машинально начала сгребать их со стола. Остекление окон, дачные дома со скидкой, магазин дешевых товаров, школа барабанщиков. Вика задержала взгляд на маленьком листочке. Объявляем набор в школу игры на ударных инструментах. Срок обучения три месяца. Индивидуальные занятия с педагогом. График посещения свободный. Телефон для записи на собеседование такой-то, Игорь. Интересно. Вдруг вспомнилось, что в 13 лет она фанатела по Deep Purple и мечтала отжигать на клубных вечеринках родного Челябинска с популярной местной группой. На секунду задумавшись, Вика решительным жестом взяла телефон.

– Здравствуйте, я по поводу собеседования.

– Здравствуйте, – раздался в трубке приятный мужской голос. – Я вас слушаю.

– Хотела бы узнать, можно прийти на собеседование в ближайшие дни?

– Да, завтра с часу до четырех. Вам удобно? Тогда ждем вас, метро Чистые пруды, Большой Харитоньевский переулок, 12. Вход с торца дома.

– Спасибо. Буду.

Впервые оставив маленького Сашу на улице с подругой, Вика стояла перед симпатичным молодым человеком, который не без интереса ее рассматривал. Видимо, девушки в этой школе были явлением достаточно редким.

– Мы занимаемся три месяца, два раза в неделю. Дни и время устанавливаете сами. В финале обучения концерт в ночном клубе совместно с рок-группой. Стоимость курса двадцать тысяч.

Вика утвердительно кивнула (деньги она уже успела занять).

– Тогда давайте определимся с финалом. Что будем играть, или вы пока не думали?

– Deep Purple.

– Простите, что?

– Deep Purple, – повторила Вика второй раз, несколько не смутившись насмешливого взгляда Игоря.

– Извините, а у вас есть какое-нибудь музыкальное образование?

– Да. Восемь лет музыкaлки по классу фортепиано.

– Ну, это в корне меняет дело. Тогда рискнем.

– Еще один нюанс. Я буду приходить не одна. С сыном. Ему два года. Он не ходит в детский сад. Оставить мне его

не с кем. Поэтому придется вам терпеть его присутствие за двадцать тысяч.

Игорь улыбнулся:

– Это впервые в нашей практике, но... попробуем.

Учеба началась. Когда Вика впервые ударила по барабану, он отозвался внутри нее глухим стоном – эхом семи прожитых московских лет. Она словно заново пережила все: боль, обиду, унижение, непонимание, злость, нереализованность, несбывшиеся мечты, глупые надежды. Удар, еще удар. Она выколачивала это все из себя, из своей головы и из своего сердца. – Вот тебе столица нашей Родины. Вот тебе прим-а Большого и Малого театров. Вот тебе, чтоб ты сдох, бабник-режиссер. Вот тебе ночевки на вокзале. Вот тебе прохудившиеся сапоги. Вот тебе банка килек на два дня. Вот тебе обожаемая свекровь, живущая в соседнем доме и за два года даже нос не показавшая внука посмотреть. Вот тебе Толян с твоей гнилой сантехникой. Вот тебе слабая, раскисшая нюня, превратившаяся в мамку с вечно грязной головой и растянутыми футболками. Вот тебе... Она не остановилась, пока не выколотила из себя все прошлое, которое мешало, душило и не давало дальше жить.

Через три месяца Рома, вернувшись домой пообедать и не застав Вику с Сашей, обнаружил на кухонном столе под тарелкой для супа приглашение на выпускной экзамен в Ночной клуб “Zigzag”. В программке среди участников значилась Викина фамилия. Ромка набрал телефон жены. Он был

вне зоны доступа. Немного подумав, позвонил Юле, ближайшей Викиной подруге.

– А, да. Знаю. Сегодня в 21.00. Ты приходи, приятно удивишься.

Ночной клуб был забит до отказа. На сцене ведущий выкрикивал имена выпускников. Рома увидел Юлю, рядом какой-то парень держал на плечах маленького Сашу. Рома начал пробираться к ним через толпу, но тут ведущий объявил:

– Виктория Белова.

Она вышла. Это была уже другая Вика. В рваных джинсах, белой майке, с короткой мальчишеской стрижкой (когда успела подстричься?). Она прошла на место барабанщика и... раз, два, три! – взлетели вверх барабанные палочки. Зал взревел, услышав знакомые ноты дип пёпла. Она энергично колотила по ударной установке. Зал так же энергично голосил знакомые слова припева. Ромка смотрел на нее. Что-то изменилось. Что-то неуловимое, то, что уже не вернуть. Он что-то упустил, но что и когда? Он теперь знал, что как раньше уже не будет. Не будет совместных поездок в Геленджик, не будет прогулок по ночной Москве, не будет вина из пакетика под деревом, не будет катания на плюшках, валяния в снегу, не будет бессонных ночей и ее счастливого взгляда, каким только она умела смотреть на него. Палочки взлетали и опускались, и с каждым их ударом она отдалялась от него все больше и больше. На парапете сцены, освещаемый светом софитов, как символ их прошлой жизни, растопылив

лапы, сидел огромный плюшевый медведь.

Марина Ковалюк. Танец с огнем

Шелестела листва – ворох времен. Терпкий запах почвы сгущался в воздухе и, заливаясь в легкие, опьянял. Видавшие многое шатры рвал ветер. Под Руаном разбился цирк-шапито, обещая жителям подарить радость и яркие впечатления в серые осенние вечера. На улице стоял 1987 год.

После представления жонглеры жарили каштаны; акробаты, облаченные в серебристые трико, устало сновали от стола к столу, наполняя тарелки; медвежонок Пашка непрерывно приседал и бил в бубен в такт аккордеону старика Жана.

– Ты не обращай внимания на него. Не принимай на свой счет: он со всеми такой – грубый, ворчливый, – успокаивал Агнешку Яков.

Агнешка молча водила палкой по земле.

– Да все нормально. Я привыкну. Я ко всему привыкаю.

– Что ты, Агнешка... Не стоит так... – Якову не было и тридцати, но он с родительским сочувствием смотрел на семнадцатилетнюю девушку, завернутую, как воробышек, в шерстяные палантины и шинелевое пальто.

– Агнешка, станцуй нам! – крикнула Ингрид, сбрасывая свои крылья на ящики с провизией.

Агнешка не решалась.

– Давай! Ты же хочешь выступать – так начни сейчас! –

настаивала Ингрид, протягивая руку, осыпанную блестками. Затем она прошептала: – Дамиана здесь нет – он сидит в своем фургоне.

Только тогда Агнешка согласилась.

Когда Агнешка танцевала, пропадала ее неуклюжесть. Из-за ее пластичности директор цирка, мсье Ажан, согласился взять пухленькую робкую девушку в качестве танцовщицы с предварительным обучением – он очень любил новые лица, которые могли освежить программу его цирка.

Агнешка покинула отчий дом, едва окончив школу. Отец завел новую семью, перестал интересоваться жизнью дочери, ее будущим – она чувствовала себя целлофановой – невидимой и бесполезной. И когда Агнешка бродила по улицам города, она увидела голубой неон «Сияние» – вывеску над входом в цирк – и подумала: «А почему бы и нет».

Агнешка не знала, чего хотела, о чем были ее мечты. Но когда она танцевала, то становилась кем-то другим. Она уносила за пределы своей пустоты, растворяясь в воздухе вместе с запахами листвы, трюфелей и костра.

– Ты выглядишь максимально убого в этом платье. Я б сначала похудел, а потом уже так одевался.

Агнешка стояла перед Дамианом в платье Ингрид, которое она примерила для танцев. Его слова змеями сжали ее грудную клетку, горло, не давая ей глотнуть воздуха от стра-

ха и стыда. Да, действительно, платье плотно сидело на ней.

– И нечего смотреть на меня так. Я ж тебе правду говорю. И вообще – как ты можешь танцевать, когда у тебя медвежья походка? – медленно и смело продолжал он резать девушку.

Агнешка и слова не могла промолвить. За месяц, что она прожила в цирке, от этого человека она услышала много оскорблений. Он пожал плечами и пошел к выходу на арену.

– Дамы и господа, единственный и неповторимый – огнеопасный Дамиан! Встречайте!

И арену захлестнули возгласы и аплодисменты.

Навзрыд плакала Агнешка в тот вечер – она не понимала, откуда в человеке может быть столько желчи.

Тем же вечером Дамиан вернулся в свой фургон с температурой. Наутро врач сказал, что у него двустороннее воспаление легких. В больницу Дамиан ложиться отказался, потому что он не любил больниц. Цирку пришлось отменить огненное шоу. Артисты особо не изъявляли желания навещать Дамиана, и все, кроме врача, забыли дорогу к его фургону.

Агнешке все казалось пресным: она без энтузиазма тренировалась с Ингрид, гуляла по территории цирка без страха толкнуться на Дамиана – в ее жизни пропала та острота, которая пробуждала эмоции, – теперь ей все было безразлично... снова – как до встречи с Дамианом.

В тот день, когда выпал первый снег, Агнешка почувство-

вала жалость к Дамиану и решила рискнуть и навестить его.

В фургоне было темно, на окнах висели плотные покрывала, над кроватью – карточки обнаженных женщин.

Дамиан лежал с открытыми, но ничего не видящими глазами – у него была горячка. Агнешка знала, что делать. Она взяла тряпку, смочила ее в водке и начала растирать ему спину, грудную клетку, как делала мама, когда у Агнешки была температура.

«Какой же он худой, и какие старческие у него глаза. Двадцатилетний юноша с глазами старика», – думала она. Через пару часов температура спала, Дамиан уснул, а Агнешка просидела рядом с ним всю ночь. Наутро она убежала, пока никто ее не увидел, – скоро должен был прийти врач.

Вечером она вернулась. У Дамиана температура была невысокая. Он сидел на кровати и читал Пастернака, влажно кашляя. Увидев Агнешку, Дамиан смутился – он понял, что то был не бред, что эта глупая медведица сидела с ним всю прошлую ночь.

– Я принесла тебе отвар из меда и почек березы, а еще гороховых лепешек с ужина.

– Я поужинал, спасибо.

– Вечер длинный – вдруг проголодаешься.

– Оставь на столе и уходи. Я инфекционный – нечего тебе здесь ошиваться.

– Выпей отвар. Мне он однажды помог. Мама...

– Мне нет никакого дела ни до тебя, ни до твоей мамы. Оставь и иди.

Не успела Агнешка закрыть за собой дверь, как она услышала песню, до боли ей знакомую, – Дамиан поставил пластинку Роя Орбисона.

Агнешка вернулась.

– Не гони меня! – резко оборвала она Дамиана, – я с детства не слушала эту «Blue Bayou»!

– Хорошо, дослушай и иди, – Дамиана поразила ее неожиданная смелость.

Когда песня окончилась, Агнешка призналась:

– В детстве я с мамой часто слушала эту песню.

– Что же случилось потом?

– Мама умерла.

– Сочувствую. Когда это произошло?

– Год назад.

– Не так давно окончилось твое детство, однако.

– После конца время становится вечностью.

– Ага, – саркастично ответил Дамиан.

Потом он снова взглянул на Агнешку – пластинка продолжала играть, и девушка была вся в музыке и в воспоминаниях.

– Хорошо, ты можешь остаться, только надень маску, пожалуйста.

Дамиан достал из-под кровати еще пластинки: Элвис Пресли, Ив Монтан, Жак Брель... И Агнешка поняла, что

плохой человек не может слушать такую красивую музыку. Значит, Дамиан не плохой – он просто не подпускает к себе людей слишком близко.

– Я еще не встречал девчонку, которая слушает этих исполнителей, – сказал Дамиан, меняя пластинку. – Сейчас, ты знаешь, все другое слушают.

– А ты вообще с девчонками общаешься?

– Была пара неудачных попыток.

– И что?

– Они были тупы, как курицы, к ним только под юбку лезть – не более.

Несколько часов они слушали музыку. Агнешка рассказывала истории из детства, а Дамиан смеялся, вставляя едкие комментарии. Но Агнешка его уже не боялась и не воспринимала всерьез его колкости. Она увидела настоящего Дамиана – на язык он был злым по привычке защищаться, но на сердце добрым и даже ранимым.

Дамиан ушел из дома от деспотичного отчима, когда ему было тринадцать. Маме было все равно, дома ее сын или в подворотне, кушал он или нет, – лишь бы рядом с ней оставался ее муж, накормленный, удовлетворенный. И ей было все равно, что этот муж периодически избивал ее сына. Дамиан был очень худым и особо не пользовался популярностью у девушек. А их многочисленные отказы сделали его

вдобавок жестким. Но что получалось у Дамиана – так это обращаться с огнем, здесь ему равных не было – он жонглировал им, глотал его, по огненной рампе катался на велосипеде, делая всевозможные трюки...

Проходили недели. Деревья и земля засахарились снежными кристаллами и сверкали розовым и зеленым под лучами ноябрьского солнца. Агнешка усердно тренировалась, чтобы танцевать так же завораживающе, как Дамиан обращается с огнем. Она хотела быть ему равной.

– Агнешка, ты стала другой, – заметила однажды Ингрид.

– В смысле?

– Ха, «в смысле»! Да ты вся светишься, стала такой изящной, стройной.

Агнешка в ответ загадочно улыбнулась – о любви не говорят. Яков стоял рядом и с тревогой смотрел на нее.

– Я его хорошо знаю, не одну унцию вина с ним выпил. Ты не верь ему, Агнешка.

И на это Агнешка ответила улыбкой: она уже верила Дамиану – бесповоротно.

Спустя пару месяцев Дамиан был снова на ногах. Он знал, что чувствует к нему Агнешка. Он также понимал, что ОНА помогла ему вылечиться – своей заботой, преданностью, смысленностью, влюбленными глазами – так на него еще никто никогда не смотрел. Но он не понимал, как такая чистая девушка могла влюбиться в такого, как он.

Дамиан по-прежнему не был приветлив со всеми. Он уважал только Якова – всегда с ним здоровался и советовался насчет выступления. С Агнешкой на людях он был прохладен.

– Я не хочу сплетен – о тебе же думаю, – объяснял он ей.

В знак извинений Дамиан вечерами оставлял на пороге фургона Агнешки виниловую пластинку с запиской: «Послушай трек № 9» – а там была песня «Я никогда не встречал такую девушку, как ты»; или «Послушай трек № 3» – с песней «У меня теперь появилась причина измениться, и эта причина – ты». Агнешка вечерами слушала песни со слезами и не понимала, почему при встречах Дамиан с ней надменен, но все больше убеждалась, что он ее любит – иначе к чему все эти песни?

Агнешка была словно ангел – в голубом шифоновом платье с серебряной нитью. Этим вечером она должна была танцевать под куполом цирка. Агнешка шла через двор к шатру, талый снег перемешался с грязью и обязывал ее быть осмотрительной на каждом шагу, чтобы случайно не измазать хвосты юбки. И вдруг она заметила Дамиана и Ингрид. Ингрид поправляла Дамиану шарф. Он на нее смотрел жадно, улыбался, потом прижал ее к себе и... поцеловал. Ингрид оттолкнула Дамиана. Он покраснел – его много раз отталкивали, но он не ожидал этого сейчас, когда был так уверен в своей мужской привлекательности. От разочарования у Аг-

нешки скрутило живот, и она помчалась, разбрызгивая по сторонам грязный снег.

– Твой выход, – встретил ее Яков, выведя медвежонка с арены.

Агнешке было наплевать на испачканное платье, на оскорбленные чувства. О волнении перед выступлением не могло быть и речи – в ней было столько ярости! Агнешка выбежала на арену и начала танцевать. Она переливалась, растекалась, извергалась – словно изящный демон – под аккордеон старика Жана.

После экспрессивного дебюта Агнешка, разгоряченная, вышла на улицу. За время ее выступления выпало много снега. Снегопад продолжался. Дамиан лежал на земле, раскинув руки и ноги, и смотрел в небо, втягивающее в свою глубину молочным сиянием. Агнешка легла рядом.

– И что это было? Тебе нравится Ингрид?

– Красивая женщина, но, пожалуй, слишком стара для меня.

– Ей всего 34, и она прекрасна. Ты так говоришь, потому что она оттолкнула тебя.

– Да мне не привыкать, – ухмыльнулся Дамиан.

– И вообще – на что ты рассчитывал?

– Иногда надо в жизни поступать без всяких там расчетов.

– А как же я?

– Что ты?

– К чему были все эти песни под моими дверями?..

– Это просто песни. Не надо их принимать близко к сердцу.

– Это у тебя игра такая?

– Почему игра? Я искренне хотел тебя подбодрить – ты ходила грустная.

– Я подумала, что так ты выражаешь свои чувства ко мне.

– Мне жаль, но ты неправильно поняла.

Она встала.

– Ты ведь не смотрел, как я танцую?

– Нет.

И она ушла, не отряхнувшись.

Агнешка шла к своему фургону, все внутри нее горело, слезы лились по горячему от стыда лицу. Она кусала варежку, чтобы не закричать.

Закрывшись в фургоне, Агнешка растерянно смотрела на стены, пока ее взгляд не упал на пластинки Дамиана. Как теперь ей эти песни слушать? Какой наивной она была! Ей хотелось бежать прочь... Снова бежать? А в этом есть смысл? И, крутя в руках пластинки, Агнешка вспомнила, за что полюбила Дамиана – за его жестокую правду, за его музыку, за его старческие глаза на мальчишеском лице, за то, что она открыла себя. Пора взрослеть – пора принять тот факт, что человек, которого ты любишь, может тебя не любить, и не на-

до его жалость к тебе принимать за любовь. И себя жалеть — не надо! И Агнешка решила, что теперь всю свою любовь и боль она будет переплавлять в танец.

Весной цирк свернулся под Руаном и отправился в другие города Европы. Агнешка танцевала, как одержимая, а Дамиан продолжал играть с огнем.

Стелла Прюдон.

Идеальная чистота

Алое вечернее солнце беспардонно проникало сквозь за-
решеченные окна моей спальни. Я только начала засыпать.
Мое тело было тяжелым, как огромное животное, уложенное
на безупречную гладь накрахмаленных простыней.

Кто-то подошел к моей кровати. Стало зябко и тревожно.
Я попыталась открыть глаза, но они не слушались меня.

– Мерзость!

Словно от удара тока, я подпрыгнула. Передо мной стояла
мама и держала в руках одеяло.

– Мерзость!

– Что случилось? – сонным голосом спросила я.

– Ты почему спишь в таком виде?

На мне была футболка с пятном от шоколадного мороже-
ного, купленного сегодня папой. Мама была очень красивой,
когда злилась, – как воздушный шар, до предела заполнен-
ный газом. Ее черные глаза пылали.

– Очень спать хотела, – стала оправдываться я.

– А ремня ты не хотела? – спросила мама. – Тебе кто раз-
решил спать немойтой, как свинья, на чистых простынях? Ты
же знаешь, что я это ненавижу!

– Извини, я просто очень устала.

– Да? Ты устала? Отчего ты устала? Чем это ты таким занималась, что даже на душ сил не хватило?

Мама вплотную подошла к моей кровати. Мне срочно надо подобрать нужные слова, но в таком состоянии я способна только на правду.

– Я читала.

– Ты читала и поэтому не приняла душ? – оглушительно тихо переспросила мама.

– Я заснула за книжкой. Я не знала, что засну. Я сейчас приму душ.

Я побежала в ванную и стала тщательно мыться, скоблить, царапать свое тело, как будто пытаюсь добраться до души и отскоблить все там. Эти руки-крюки, эти кривые ноги. Я все делаю не так.

Когда я вышла, мама сидела на белом кожаном диване, опустив взгляд на блестящий пол. Мамина грудь подпрыгивала от всхлипываний.

Мама редко плакала. Я была готова на любое наказание. Что угодно, лишь бы она не плакала. Я подошла и встала позади нее, не решаясь дотронуться. Мама ненавидела прикосновения.

Заметив меня, она подняла на меня мутные, водянистые глаза и прошипела:

– Убирайся, сволочь, с моих глаз. Не хочу тебя видеть.

Мама говорила с надрывом, еле сдерживаясь.

– Извини меня, я больше не буду.

Я бросилась к её ногам и поцеловала большую круглую родинку под коленом. Мама резко дернула меня за руку, а что было потом, я не помню. Проснулась от голоса мамы, говорящей кому-то: «Дети – такие сорванцы. Они постоянно падают».

Я лежала с закрытыми глазами. Кажется, мама больше на меня не сердится. Она сказала, что хочет сделать из меня человека. Она хочет изгнать из меня все повадки этого животного. Мама любит меня не на словах, как он, который приезжает раз в полгода и покупает мороженое. Она любит меня действительно.

Татьяна Золочевская.

Обгони песок

Когда я лежу в постели, и мрак облегает меня со всех сторон, мне постоянно чудится этот слабый и непрерывный шелест утекающей жизни.

И. Тургенев, «Песочные часы»

Митя бежал по узкому шаткому проходу поезда, с трудом преодолевая вагон за вагоном. Каждый из них казался более длинным, чем есть на самом деле. Справа удирали в другую сторону двери купе, полуоткрытые, как голодные рты гигантских птиц – из них неслись разные голоса, иногда обрывки музыки, запахи поздних ужинов, отголоски смеха и даже храп. Слева чуть дребезжали на полном ходу состава потные ночные окна, зияющие темнотой какого-то нереального, почти потустороннего мира, лишь изредка вспыхивающего огнями одиноких, казавшихся никому не нужными полустанков. Они выглядели брошенными на произвол судьбы, неравномерно обледенелыми и припорошенными грязно-белым мартовским снегом. Митя бежал, чуть пошатываясь, неравномерно и рвано, боясь больно врезаться в двери или окна. Иногда кто-нибудь шел со стаканом кипятка в руках, это была настоящая опасность, и приходилось чутко смотреть, замедлять ход и неудобно, неловко выгибаться од-

ним боком, вжимаясь в сторону. Сердце Мити билось гулко и редко, как старинные часы с боем в гостях, где они недавно были с мамой...

А начиналось все мило и безоблачно, с той долей увлеченности и романтики, что неизменно сопутствует любому путешествию, особенно по железной дороге. Восьмилетний Митя ехал с мамой из Москвы в Санкт-Петербург навестить бабушку с дедушкой. Их провожал папа. Они прибыли на вокзал, как обычно, заранее, быстро минув суетливое, какое-то безразмерное и заполненное снующими людьми помещение. Потом бодро прошлись по полутемному, запруженному прибывшими и отъезжающими гражданами перрону до своего 7-го вагона. Мите доверили везти на колесиках небольшой и нетяжелый матерчатый чемодан с удобной подвижной ручкой. Он весело тархтел с глухим горохотом по перрону. При этом мальчик немного им маневрировал, издавая рыхлый жужжащий звук, как будто он – гонщик, а чемодан – старомодный, но еще вполне сносный и конкурентоспособный болид. Потом пришлось скучно постоять в ожидании, пока откроют двери вагона и начнут пускать внутрь. Митя весь извелся, искрутился, не зная, чем заняться и как заполнить ненужную паузу. Болид, поставленный вертикально, казалось, тоже грустил.

Митя останавливался только ночью, а днем ему нравилось мчаться, носиться с гиканьем по двору или парку, лазать по веревочным детским городкам, гонять на самокате, пинать

мяч или на крайний случай катать машинки по сложным трассам. А тут целых четверть часа – просто ждать. Потеря времени, да и только. Родители вполголоса разговаривали друг с другом, а Митя от нечего делать стал пересчитывать убегающие с противоположной платформы окна другого поезда, который уже тронулся и, убыстряясь, заторопился прочь. Когда мелькнул самый хвост состава, он выдохнул: «тридцать шесть» – и с удивлением заметил, что за ними вьется гусеницей уже довольно протяженная очередь на посадку.

Тут вышел плотный высокий человек в проводницкой униформе и стал проверять билеты, быстро вбивая номер паспорта в специальный аппарат, похожий на небольшую кассовую машинку. Кажется, он называется валидатор, вспомнил Митя.

– Вас двое, так, так, – взял он, наконец, их документы.

– Пожалуйста, ваши места 23 и 21, проходите, а вы, наверное, провожающий? – глянул он на папу.

– Да, да, – рассеянно подтвердил отец.

И они зашли в вагон. Он был совсем новеньким, аккуратным и каким-то чересчур глянцевым, как будто игрушечным и только что развернутым из подарочной бумаги для вручения имениннику. Они прошли в свое купе, папа убрал в специальный отсек чемодан-болид. И они все вместе присели напротив друг друга.

– Ну, передавайте большой привет старикам, – сказал па-

па.

Они расцеловались, мама на секунду прижалась к отцу щекой и легко коснулась губами его лица, а Митя обнял их обоих, насколько мог, широко раскинув руки. Папа наклонился, звонко его чмокнул и немножко потрепал по волосам.

– В добрый путь, утром позвоните, как доберетесь, – сказал он напоследок и быстро исчез. Он не любил долгих прощаний и часто повторял бабушкино: долгие проводы – лишние слезы.

– Вот, Митенька, наше путешествие и начинается. Садись-ка к окошку, правда, темно уже. Дать тебе книжку или яблочко?

– Нет, мам, не надо. Я посмотрю в окно.

Митя любил дорогу, его завораживал буквально любой транспорт, эти необыкновенные, перемещающие людей огромные машины. Он удивлялся, почему взрослые так равнодушны, так безразличны к ним. Вот чего только стоит самолет – непостижимая двукрылая птица из металла, способная поднять тонны веса на небывалую высоту и с бешеной скоростью мчать в облаках? Тайна, конечно, тайна, это не только мощный двигатель и сила тяги, это что-то загадочное, до конца не изведенное и не понятное, по крайней мере, его разуму. Он любил читать детские энциклопедии об инженерии, но все равно они не исчерпывали его интерес, оставляя за бортом безответные вопросы.

Или взять вот этот поезд – бесконечно длинный вагон-

чатый тягач из частей-параллелепипедов на круглых колесах, легко катящихся по рельсам, как по лыжне. Летит, пытит, торопится, сегодня ты здесь, а завтра – в другом городе – и совсем другом мире. А вагон – что-то «между», прореха во времени, и это «между» – целая жизнь с узкой, немножко неудобной койкой, с которой можно упасть, если слишком раскинешься в сне, кондиционером, который при плохой настройке легко заморозит или, напротив, распалит всех, хрустящим бельем без пододеяльника, одноразовыми красными тапками, биотуалетом, который можно посещать даже на стоянке, и гранеными стаканами обжигающего чая. И ведь это еще не все, это только то, что на поверхности. «Дом на колесах» вытянут, громок, странен. А попутчики? Каждый из них вносит свою лепту в пространство купе, населяя его своими флюидами, мыслями и настроением. Этих людей ты можешь больше никогда не встретить в жизни, но они способны оставить в ней свой удивительный, индивидуальный след, типа клейма, и ты выйдешь из поезда немножко новым от их подспудного влияния, а в некоторых случаях – и совершенно другим. А управляет целым вагоном человек в форменной синей одежде – проводник. Особенно Мите нравилась фуражка, жесткая, крепкая, с козырьком. Всякий раз ему хотелось, чтобы проводник, встречая и провожая их, брал под козырек, как военный. Тогда и пассажиры лучше бы слушались его, рассуждал Митя. И даже задавали бы меньше вопросов, не отвлекая.

Вагон – это состояние между вчера и завтра, вневременно, пропуск в будущее и состояние души, надежда на хорошую поездку и приключения – неожиданные, веселые, которые непременно случатся, если ты любишь дорогу и пускаешься в долгий путь с удовольствием. Эти мысли вихрем проносились, и, чуть задерживаясь, топтались у Мити в голове, поэтому он даже не заметил, как подошли двое попутчиков. Небольшой мужчина средних лет с узкими черными усикам и молодая девушка с длинными прямыми волосами. Митя с мамой заняли нижние полки, а этим пассажирам достались верхние. А пока они все вместе сидели внизу.

Тут поезд тронулся, и мальчик стал напряженно вглядываться в окно, которое бликовало, отсвечивало лампами купе, и это не позволяло рассмотреть предметы, таящиеся в сумраке и подпрыгивающие от движения поезда. Мир за окном от этого выглядел расплывчато, неясно и подтверждал Митины догадки о своеобразии того промежутка времени, которое люди проживали в поезде.

Вот проводник собрал билеты, предложил чай, пожелал: «Доброй ночи» – и вышел. Глаза у Мити стали потихоньку слипаться – шутка ли, уже за полночь, и, переодевшись, он обнял на ночь маму и с наслаждением растянулся на своей полке. Над ним ехала девушка-русалка. А над мамой – черноусый мужик. Натянув одеяло до подбородка, Митя видел сквозь неплотно смеженные веки какие-то тени, фигуры, слышал шуршание пакета и звук открывающейся за-

стежки-молнии, пиканье чьего-то мобильного и острый запах свежеочищенного мандарина. Потом все стихло, и он не помнил, как провалился в сон.

Сначала было очень уютно, славно, мерный, чуть качающийся ход поезда убаюкивал, затягивал в сновидения. Казалось, будет непременно сниться что-то морское, на чуть вздыбленных ветром волнах, переливающихся лазурью и проблесками золотистых лучей солнца. Но постепенно, как-то исподволь, что-то изменилось. Если это и было море, то после шторма, после вольготного разгула стихии – почти черное, грузное, тяжело переваливающееся через себя волнами, не подвластное никому и ничему. Тьма ночи, расшатанная дорогой, стала затягивающей, давящей, какой-то удушливой и недоброй. Вскоре появился слабый тревожный звук, какие-то устрашающие фиолетовые тени, выдающие очертания неведомых исполинских чудищ с длинными крысиными мордами и цепкими когтями, которые невозможно опознать, постичь, догадаться, кто они и почему, крадучись, приближаются и нависают рядом.

Небольшое, камерное купе превратилось в какой-то отвратительно мрачный кокон, и совсем рядом, на фоне безобразных теней, вдруг возникло землистое лицо того самого мужика с черными усиками, которые хищно двигались, почти касаясь лица Мити. И почему-то мужик был с окладистой бородой, которая никак не вязалась с этими усами, и неестественно расширенными зрачками, которые роднили

его с мумией. На его голову был накинута капюшон, и оттого лицо оставалось в густой тени, и было невозможно прочитать по взгляду, с чем он пришел и зачем так в упор, пристально заглядывает Мите в лицо. Капюшон переходил в воняющий тухлой рыбой брезентовый плащ, который немного задевал за Митину руку, и от этого было до жути противно и склизко. Но Митю от невероятности увиденного обуял такой жуткий парализующий страх, что он боялся отодвинуть, отдернуть руку, как под гипнозом, лицезрея со стороны невесть откуда взявшиеся ужасы ночи.

Через какое-то время, трудно было понять, сколько минут на самом деле прошло, мужик открыл рот и стал мерзко, брызгая слюной, шипеть: «Я знаю тебя, Митя. Ты верткий подвижный мальчик. Неуловимый, как ртуть. Ты не слушаешься родителей, ты любишь поступать по-своему и три дня назад обманул маму...» Митя похолодел: «Откуда он знает? Он же только что сел в поезд». Накануне отъезда он и правда обещал маме гулять во дворе, под их окнами, а сам с Петькой забежал за дом и стал гонять палкой бездомную облезлую дворнягу, которая пугалась и скалила на них зубы. А когда мама его хватилась, явился и солгал, сказав, что Петька упал, разбил коленку, стал хромать, а он, Митя, нашел палку и потащил его, как на буксире, домой, чтобы легче шлось. А черноусый продолжал: «Ты знаешь, что происходит с таким мальчиками? Нет, я их не наказываю. Я сыплю в глаза песок...» – «Аааа, – догадался Митя, – точно, это же Песоч-

ный человек», — они с мамой только недавно читали сказки Гофмана и вместе боялись, так правдоподобно описывал сказочник в ней события то ли своей, то ли вымышленной истории. Он инстинктивно зажмурил глаза, чтобы уберечься от песка, и в тот же миг понял — нет, нет, не поможет, надо бежать! Тогда он вскочил на ноги, сунул их в кроссовки и, не застегивая, бросился наутек по вагонам...

Он пробежал уже полсостава, когда наконец решился остановиться и обернуться. Никого нет. За ним пусто. Лишь жутковато раздувает от сквозняка легкую белую занавесь в коридоре вагона. Тут поезд стал замедляться, сбрасывая скорость, и Мите показалось, что где-то рядом все-таки возник неясный, но отчетливый шуршащий шум приближающегося брезентового плаща Песочного мужика в парах тухлятины. С минуту он думал, как быть, но от вони сразу стало мутить, и когда поезд сделал остановку, он, совсем раздетый, в одной футболке, недолго думая, выскочил из поезда на перрон. Ночью похолодало, температура опустилась за минус, небольшие лужицы подмерзли, и Митя, поскользнувшись, чуть с размаху не грохнулся оземь.

Тут витиеватой змейкой побежала поземка, наращивая обороты, силу и мощь, и на глазах превратилась в снежную дорожку, сотканную из миллионов танцующих снежинок и устремляющуюся в небеса. Она легко подхватила своим потоком Митю, закрутила, закружила воронкой, и, оторвавшись от земли, подняла его в стильную атмосферу. И вот уже,

перебирая ногами, словно он не летит, а бежит по воздуху, Митя стал удаляться выше и выше. Тут до него донесся злобный окрик Песочного мужика с усиками: «Ах, вот ты как?! Не уйдешь, ты забыл песо-о-ок!» На лету незастегнутые Митины кроссовки слетели с ног, и буквально на миг он ощутил зловещее прикосновение сырого тяжелого песка к голым пяткам, и они тут же покрылись охристой ледяной коркой. «Достал меня песок. Но я скрылся, смог убежать», – с заходящимся, как на высоких качелях, сердцем осознал Митя.

И в эту же минуту внезапно, но привычно, он почувствовал теплую мамину руку на своем плече. «Да, так меня будит мама – спутать нельзя», – подумал он и с опаской, недоверчиво стал открывать глаза. И правда было совсем светло, солнечно, на него спокойно смотрели мамыны серые глаза, она ласково провела рукой по его волосам и спросила:

– Как спалось, Митя? С добрым утром!

Митя сел и огляделся.

– Мамочка, с добрым утром! – машинально пробормотал он и стал напряженно вглядываться в верхние полки, пытаюсь отгадать, встали или нет едущие там пассажиры. Мама вытащила из сумки йогурт, салфетки, на столике остывали два пускающие пар стакана чая.

Поймав его взгляд, мама сказала:

– Ты кого ищешь, сынок? Мужчина ночью сошел, а девушка умывается.

Митя облегченно вздохнул, но сидел задумчивый. Потом

он умылся, позавтракал, но воспоминание о страшном сне не отпускало, никак не покидая сознание.

– Да что с тобой? – спросила мама. – Ты не заболел?

Митя оставался непривычно тихим.

– А помнишь, мама, мы читали Гофмана? – спросил он.

– Да, Митенька, помню, жутковатые сказки, не совсем детские, – ответила мама.

Митя хотел было рассказать, как над ним ночью склонился пронизательный черноусый, как хотел сыпать в глаза песком, но он не поддался – вырвался, убежал. При свете дня все это казалось каким-то ненужным и бесполезным, тем более мама не подозревает о лжи. И он не нашелся, что ей ответить и какими словами поведать о сне. А только покачал отрицательно головой: мол, нет, не болен.

Поезд прибывал через час, и все это время он думал о песке: какой он бывает разный. Приятный, желтый, теплый – на море, из него можно строить замки и дороги. Липкий, тяжелый, сырой – после дождя в песочнице или на даче в куче, приготовленной для разных работ. Бывает песок почти как пыль, седой и послушно взмывающий вверх от дуновения ветра, а бывает очень крупный, как гравий, им для удобства посыпают велосипедные и пешеходные дорожки в парке. Песок, песок, мельчайшая тончайшая субстанция из мириадов крупинок, зыбучий и непостоянный...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.